

4. Аль-Обади И. С. Генные маркеры как предикторы внезапной сердечной смерти в спорте / И. С. Аль-Обади, А. В. Смоленский // Российский кардиологический журнал. – 2007. – Т. 63. – № 1. – С. 57–61.

5. Ахметов, И. И. Молекулярная генетика спорта : монография / И. И. Ахметов. – М. : Советский спорт, 2009. – 268 с.

6. Виноградова, С. В. Роль I/D полиморфизма гена ангиотензинпревращающего фермента в развитии артериальной гипертензии / С. В. Виноградова, В. И. Целуйко // Украинский кардиологический журнал. – 2004. – № 2. – С. 103–109.

7. Макаров, С. В. Полиморфизм гена ангиотензинпревращающего фермента, альфа-актенина-3 и антропометрические характеристики / С. В. Макаров, М. А. Негашева, А. Б. Мильготина // Медицинская генетика. – 2007. – Т. 6. – № 1. – С. 43–47.

8. Дружевская, А. М. Полиморфизмы генов миогенного фактора б и альфа-актенина-3 и их ассоциация со структурой и функцией скелетных мышц человека : автореф. ... канд. биол. наук : 03.00.15 / А. М. Дружевская. – Санкт-Петербург, 2010. – 27 с.

9. Russell, A. P. Endurance training in humans leads to fiber type-specific increases in levels of peroxisome proliferator-activated receptor- γ coactivator-1 and peroxisome proliferator-activated receptor- α in skeletal muscle / A.P. Russell [et al.] // Diabetes. – 2003. – V. 52. – P. 2874–2881.

10. Finck, B. N. A potential link between muscle peroxisome proliferator-activated receptor- α signaling and obesity-related diabetes / B. N. Finck [et al.] // Cell Metab. – 2005. – V. 1. – P. 133–144.

11. Eynon, N. Do PPAR γ 1A and PPAR α polymorphisms influence sprint or endurance phenotypes? / N. Eynon [et al.] // Scand. J. Med. Sci. Sports. – 2010. – № 20. – P. 145–150.

12. Andrulionyte, L. Common polymorphisms of the PPAR- γ 2 (Pro12Ala) and PGC-1 α (Gly482Ser) genes are associated with the conversion from impaired glucose tolerance to type 2 diabetes in the STOP-NIDDM trial / L. Andrulionyte [et al.] // Diabetologia. – 2004. – № 47(12). – P. 2176–2184.

«Мягкая сила»: политико-психологический анализ концепции Джозефа Ная

А. А. Сорокин, аспирант, преподаватель

Фундаментальной задачей политологии в современной Республике Беларусь является определение сущности, специфики и факторов трансформации массового политического сознания в политическую деятельность. Исследование данной темы в полной мере раскрывает важную особенность развития современной гуманитарной науки – тенденцию к междисциплинарному синтезу знаний и появлению исследований на стыке нескольких фундаментальных дисциплин. И если политические теории

V
манипуляции массовым сознанием Джина Шарпа [1], Эдварда Люттвака [2] и «Окно Овертона» [3] известны отечественным специалистам, то концепция «мягкой силы» не нашла своего отражения в белорусской политической психологии.

Авторство теории «мягкой силы» [4] принадлежит представителю современной неолиберальной американской политологической школы – профессору Публичной административной Школы им. Дж. Кеннеди в Гарвардском университете, члену американской Академии искусств и наук – Джозефу Сэмюэлю Наю. Помимо этого американский политолог является старшим членом Института Аспена, директором Аспенской стратегической группы и членом Исполнительного комитета Трехсторонней комиссии.

Авторское понимание мировой политики – ключ к определению места и роли в ней «мягкой силы». Для Джозефа Ная мировая политика – «шахматная игра на трехмерной доске». Победу можно одержать, преуспевая как в горизонтальной, так и в вертикальной плоскости. Верхний уровень политического процесса – «классические» межгосударственные отношения на основе баланса силовых возможностей. В этой проекции мир видится автору однополярным. Средний уровень характеризуется многополярностью – это экономические отношения между государствами. А на нижнем уровне находятся транснациональные элементы мировой политики: терроризм, международная преступность, экологические угрозы.

Главный смысл «мягкой силы» заключается в формировании привлекательной власти – в способности влиять на поведение людей, опосредованно заставляя их делать то, что в ином случае они никогда бы не сделали [4, с. 16]. Такой властью становится, основываясь не только на убеждении, уговаривании или способности подвигнуть людей сделать что-либо с помощью аргументов, но и на «активах», которые продуцируют ее привлекательность. «Мягкая сила» раскрывает свой потенциал, используя власть информации, образов и символических смыслов. Иными словами, ядро концепции «мягкой силы» – нематериальность, информативность и подвижность символического капитала. Мягкая сила характеризуется тремя основными компонентами: политической культурой (определяемой как набор значимых для общества ценностей), политической идеологией и внешней политикой (понимаемой как дипломатией в широком смысле слова) [4, с. 16]. Как отмечается в монографии, мягкая сила – это не только собственно влияние (*influence*), сколько «привлекательность» (*attractive power*) [4, с. 12]. В свою очередь, создание «привлекательности» невозможно без лингвистического конструирования, без интерпретации реальности, без акцентирования внимания на оценочных суждениях и политических установках. Причем именно проводники «мягкой силы» определяют, что есть «хорошо» или «справедливо», какая страна становится изгоем или образцом демократической трансформации, подвигая тем самым остальных участников политического процесса соглашаться с этой интерпретацией. Ресурсами «мягкой силы» в мировой политике

✓

выступает все то, что «вдохновляет и привлекает» к источнику соответствующего воздействия, позволяя тому, кто его контролирует, добиваться желаемого результата. Мягкая сила – это привлекательность через искушение, манипуляцию, то есть через апеллирование к иррациональной сфере сознания.

Данная политическая технология предполагает системную работу с сознанием посредством информации, знаний и культуры, используя как краткосрочные, так и долгосрочные стратегии. Информационная революция позволяет трансформировать массовое сознание, начиная с изменения исторической памяти и заканчивая подменой объективной реальности на ее виртуальную симуляцию. При этом именно слой политических стереотипов и установок оказывается наиболее значимым, поскольку именно на него и ориентируется социальная память общества, позволяющая ему противостоять как разрушению извне, так и самоуничтожению. Так, 31 января 2015 г. Великобритания официально заявила о создании спецподразделения (Brigade 77), которое будет заниматься ведением информационно-психологической кибервойны в Интернете и социальных сетях. Британия стала второй страной, где такое формирование создано как отдельная структура [5].

Таким образом, «мягкая сила» тесно связана с дискурсом, с трансляцией информационного сообщения с целью подтолкнуть реципиента к его прочтению в определенном ключе и, в конечном итоге, заставить его изменить свое поведение. С точки зрения политической психологии, в фокусе внимания данной технологии оказывается не реальная, а символическая политика, которая, согласно определению С. П. Поцелуева, представляет собой «особый род политической коммуникации, нацеленной не на рациональное осмысление, а на внушение устойчивых смыслов посредством инсценирования визуальных эффектов. Символическая политика – это не просто действие с применением символов, а действие, само выступающее как символ» [6, с. 62].

Совокупность поведенческих стратегий формирует способность «мягкой силы» воздействовать на систему социокультурных фильтров или матрицу убеждений, составляющих целостность субъективного восприятия объекта, по отношению к которому применяется данный тип воздействия. «Мягкая сила» использует весь спектр культурных, информационных, разведывательных, сетевых, психологических и иных технологий. В результате у людей продуцируются одни и те же мысли, порождаются одни и те же образы, отвечающие целям и задачам персон, контролирующих средства коммуникации. Ярким доказательством господства «мягкой силы» в виртуальном политическом пространстве стали результаты психологического эксперимента, проведенного социальной сетью Facebook в январе 2012 г. Суть эксперимента заключалась в том, что было отобрано 689 тысяч пользователей, которых потом разделили на две группы. Для одной группы формировалась новостная лента с преобладающим количеством негативных новостей, для другой отбирались новости, в которых было больше позитива. Отбор происходил автоматически, по ключевым словам.

6. Поцелуев, С. П. Символическая политика как инсценирование и эстетизация / С. П. Поцелуев // Полис. – 1999. – № 5. – С. 62–75

7. Kramer, A. Experimental evidence of massive-scale emotional contagion through social networks [Электронный ресурс] / A. D. I. Kramer, J. E. Guillory, and J. T. Hancock // – 2014. – Режим доступа: < <http://www.pnas.org/content/111/24/8788.full> > – Дата доступа: 19.01.2015.

Религиозно-нравственный потенциал интеллектуальной культуры Новой Англии

А. Л. Церковский, аспирант

Философская, гражданская и литературная мысль Новой Англии развивалась в русле консервативных теоцентрических идей, привезенных пуританами из Англии. Но с течением времени адептам пуританизма пришлось вступать в полемические беседы с прогрессивной философией Европы. История сохранила имена многих мыслителей XVII–XVIII вв. в Новой Англии, среди которых можно отметить Уильяма Брэдфорда, Коттона Мэзера и Томаса Шепарда.

Касаясь вопроса зарождения американской нации, ее самобытной государственности и культуры, многие исследователи приходят к выводу, что культурно-цивилизационное пространство современных США во многом базируется на религиозно-нравственной модели пуританского видения мира. Так называемый «пуританский миф» сегодня рассматривается как наиболее вероятная историческая матрица американского общества.

Одним из самых ярких и талантливых литераторов и проповедников Новой Англии периода пуританской колонизации был Томас Шепард (*Thomas Shepard*, 1604/1605–1649). Он принадлежал к первому поколению новоанглийских пилигримов, которые с самого начала своего присутствия на новой земле активно занимались не только сельскохозяйственными и административными работами, но – прежде всего – работой интеллектуальной, творческой, которая впоследствии составила целую традицию – раннюю американскую колониальную литературу.

Приехав на Новую землю, Т. Шепарду нужно было идейно описать свою миссию, обозначить круг своих религиозных и гражданских позиций. Это, вообще, было очень свойственно для первых поколений поселенцев – заниматься апологетической деятельностью, из чего со временем начала формироваться полемическая литература Новой Англии.

Многие переселенцы выбирали Новую Англию в стремлении сохранить истинное, как они думали, христианство (*pure belief*). Другие ехали для так называемой